

А. Г. КОХАНОВСКИЙ

БЕЛОРУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Для стран Восточной Европы одним из наиболее непознанных явлений считается возникновение и функционирование собственной интеллигенции. Ее определение относится к числу тех, что с трудом поддаются очертанию. С самого начала применения термина «интеллигенция» в отношении определенной группы людей возникли споры о ее границах и предназначении. Часто интеллигенцию воспринимали как социально-профессиональную группу населения, которая выделялась определенным уровнем образования и принадлежностью к числу лиц преимущественно умственного труда. Более редко границы и задачи интеллигенции очерчивались узко: она воспринималась как сообщество распространителей среди народа результатов образованности, культуры, гражданского сознания, носителей культурно-исторической и моральной миссии. В первом случае сформулировано представление об интеллигенции большинства общества, во втором — осознание себя и своих задач представителями самой интеллигенции. В последнем случае самоопределение интеллигенции предполагает множество значений, что усложняет поиски границ предмета исследования.

В данной статье предметом рассмотрения станет белорусская интеллигенция, этапы и особенности ее формирования, вопрос об определении границ и содержания интеллигенции в терминологическом плане. Есть значительная содержательная разница в употреблении словосочетаний «белорусская интеллигенция» и «интеллигенция Беларуси». В первом случае акцент смещается на характеристику белорусской национальной интеллигенции, ее предшественников и истоков. Во втором — рассмотрению подлежит вся интеллигенция, без разделения или учета ее этнических групп, проживав-

шая, происхождением, творчески или духовно связанная с территорией Беларуси. Тема истории белорусской интеллигенции неоднократно привлекала внимание исследователей. Высказывалась необходимость комплексного осмысления проблемы, достигнуты некоторые сдвиги в изучении отдельных профессиональных групп лиц преимущественно умственного труда, которых можно отнести к интеллигенции, но исследователи так и не приблизились к целостному пониманию этого социального явления, не ответили на многие вопросы, в том числе не очертили исторический путь становления белорусской интеллигенции, его отличительные черты.

Проблема определения и развития интеллигенции как социально-культурного явления наиболее активно и остро обсуждалась в российской дореволюционной и постсоветской научной и публицистической литературе, оказавшей влияние на поиски в этом направлении белорусских авторов. Термин «интеллигенция» в русском языке имеет множество смысловых и оценочных значений, которые отражают историческую, социальную ситуацию, в которой он возник и вошел в употребление. Первоначально этот термин употребляли в России как философскую категорию или в значении органа психического восприятия.

Начиная с 60-х гг. XIX в. слово «интеллигенция» стало употребляться в России для обозначения определенной части общества и изначально было наполнено противоречивым содержанием. В это время, как и в массовом сознании позднее, под интеллигенцией понималась «культурная», «цивилизованная» часть общества с определенным уровнем образования. К ней относили также и чиновников. Именно в таком смысле эта категория была употреблена в опубликованных дневниках министра внутренних дел П. Валуева и профессора литературы А. Никитенко. Близкой была точка зрения известного публициста Дмитрия Овсяннико-Куликовского¹. Он понимал под интеллигенцией образованную и думающую часть общества, которая создает и распространяет общечеловеческие духовные ценности. В качестве представителей умственного труда воспринимали интеллигенцию большинство российских народников и марксистов. Многими публицистами отмечалось, что интеллигенция является специфической чертой славянского общества. Консервативная часть дворянства считала интеллигенцию людьми недостаточно воспитанными, более низкого уровня². В либеральной среде интеллигенцию отождествляли с представителями вольных профессий, рассматривали их как активную и прогрессивную часть общества, не охваченную радикальными политическими идеями.

Оригинальный взгляд на интеллигенцию в обозначенном выше узком понимании ее содержания представил один из лидеров российского народ-

ничества Петр Лавров. Он не употреблял термин «интеллигенция», вместо него и в его смысле — выражение «критически мыслящие личности». П. Лавров первым высказал мысль о внесловном и внеклассовом характере интеллигенции в социологическом плане и антимещанском — в этическом³. Мещанство им рассматривалось как символ безликости, узости формы. Он считал такие черты, как культурность, образованность, формальными, внешними признаками интеллигенции. Критически мыслящие личности характеризовались творческим подходом и активным проведением в жизнь новых форм и идеалов, направленных на самоосвобождение личности. Многие идеи П. Лаврова об интеллигенции использовал, развил дальше известный российский публицист В. Иванов-Разумник, который дал свою дефиницию этой группы и привел основные отличительные черты ее как социально-этической категории. Главная из них заключалась в том, что интеллигенция представляла собой социальную группу в отличие от интеллигентов-одиночек, которые были во все времена в любом цивилизованном обществе. Другая важная черта — преемственность и непрерывность ее развития. Третья — внесловный и внеклассовый характер интеллигенции⁴. Кроме того, В. Иванов-Разумник настойчиво подчеркивал антимещанские традиции интеллигенции как одну из сущностных черт ее морального облика.

Известный российский философ Семен Франк определял термин «интеллигенция» как идеальное собирательное название людей, которые были наполнены оригинальной духовной жизнью и стремились к верховенству индивидуализма в противовес мещанству⁵. Такая дефиниция, согласно С. Франку, соответствовала пониманию интеллигенции в широком смысле. Интеллигенция в узком смысле воспринималась им как социальная группа тесно сплоченных и психологически однородных «отщепенцев и политических радикалов».

Схожую характеристику интеллигенции России дал философ Николай Бердяев, который считал ее идеологической, а не профессиональной группой. Интеллигенция, согласно Н. Бердяеву, напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим мировоззрением, нравами и обычаями и даже своеобразным физическим обликом, которым она отличалась от представителей других социальных групп⁶. Обозначенные черты Н. Бердяев относил в первую очередь к радикальной, революционной интеллигенции. Он подчеркивал также наличие таких специфических черт русской интеллигенции, как беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями, постоянное увлечение различными идеями и умение жить исключительно ими.

В белорусской литературе вопрос о границах и задачах интеллигенции первоначальное рассмотрение получил в работах публицистов-народников. В обращении «К белорусской молодежи» отмечалось, что для социального и национального освобождения белорусского народа есть большая потребность в «интеллигентных силах», а они всегда были отвлечены для пользы России или Польши⁷. В «Письмах о Белоруссии», автор которых выступил под псевдонимом Данила Боровик, проводился знак равенства между интеллигенцией и местными «лучшими» (в отношении социальных и интеллектуальных качеств) людьми⁸. При этом за ней закреплялись функции главного проводника демократических идей и принципов на пользу народа. Д. Боровик считал, что интеллигенция должна быть двигателем народа на пути его прогрессивного развития при помощи средств, которые соответствуют условиям жизни людей и способствуют быстрейшему формированию самосознания и гражданской воли. Отсюда он выводил основную задачу интеллигенции Беларуси — культурно-просветительскую: прежде всего, изучение быта, обычаев, традиций, культуры, истории белорусского народа. В ответ на «Письма о Белоруссии» в скором времени появилось «Послание к землякам-белорусам», подписанное псевдонимом Щирый Белорус. В «Послании» подчеркнута полезность, но недостаточность «одних местных изучений». По мнению автора этого публицистического произведения, необходимо устранение всех препятствий, которые ставит российское самодержавие на пути новых идей, национального и социального освобождения Беларуси⁹.

Авторами-издателями «Гомона» — нелегального журнала одноименной белорусской народнической группы — в качестве центральной объединяющей идеи интеллигенции была признана задача пробуждения этнического самосознания белорусов, национального и социального освобождения народа. Характерным для разработанной гомоновцами идеи интеллигенции являлось придание первостепенного значения реализации ею национальных задач. «Велика и священна задача белорусской интеллигенции, — отмечалось в первом номере «Гомона», — расшевелить могучие силы своего народа, направлять остановившееся прогрессивное развитие его, дать ему возможность проявить свой национальный гений...»¹⁰.

Более предметно границы понятия «интеллигенция» пытался очертить один из классиков белорусской литературы Максим Богданович. В своей статье «Новая интеллигенция» он отмечал, что всякий представитель этой социальной группы должен соответствовать двум требованиям: во-первых, стремиться к знаниям, во-вторых, нести свои знания на пользу народа¹¹. При этом М. Богданович более важным признавал второе требование.

Для белорусских литераторов-демократов начала XX в. характерным было расширительное толкование смысла слова «интеллигенция». В их произведениях нередко встречались такие выражения, как «интеллигентные речи», «интеллигентные юноши» и др. Действительное предназначение интеллигенции связывалось ими с национально-освободительной и социальной борьбой, проявления безразличия и космополитизма вызывали их непонимание и разочарование. Писатель и общественный деятель Карусь Каганец в своем реферате на рождественском собрании белорусского сообщества в 1903 г. отмечал: «Многие из сегодняшних интеллигентных юношей на вопрос, к какой народности они себя относят, отвечают, что они люди, — выше за всякую народность ... Когда они хотят служить добру всего человечества, то это дело — весьма высокое и полезное, но все же не понимаю, чтобы они были свободны от национальности»¹².

Просвещенную, авангардную часть общества причислял к интеллигенции один из лидеров национально-освободительного движения в Западной Беларуси в 20-х гг. XX в. Игнат Дворчанин. В «Хрестоматии новой белорусской литературы» он отмечал, что интеллигенция не составляет отдельного социального класса, а как более просвещенная часть общества отдает знания другим классам. Происхождение, воспитание, личная удача в жизни, обстоятельства внешнего характера и т. д., по мысли И. Дворчанина, делают отдельных интеллигентов сторонниками того или иного класса, проводниками его идеологии. При этом не отрицалось наличие общих черт интеллигенции как отдельной социальной общности: заинтересованность в развитии родного языка, национальной государственности, умение ценить искусство, приобретения культуры, углубленность в свой внутренний мир, вечные рассуждения, поиски решения мировых проблем и т. д.

Роль интеллигенции в общественно-политической жизни несколько принижал один из лидеров близкого к большевикам крыла белорусского национального движения, первый руководитель правительства Советской Беларуси Змитер Жилунович. Однако в своей статье «Белорусская интеллигенция в историческом аспекте» впервые предложил идею поэтапного развития национальной интеллигенции, охарактеризовал каждый из этапов, проанализировал отношение интеллигенции к социальному и национально-конфессиональному вопросам. Он выделил следующие типы-этапы белорусской интеллигенции: шляхетская «мелкобуржуазная», которая вышла из польскоязычной культурной среды и была «неблизко» к нуждам белорусского крестьянина; народническая, по определению З. Жилуновича, — «Ф. Богушевич и современная ему интеллигенция», которая представляла собой «исправленное со стороны демократизма издание той же мелкошляхетской

интеллигенции»; интеллигенция 90-х гг. XIX в. — «девяностыятыкі», которых Жилунович разделил на две группы: шляхетско-буржуазное (Ядвига Ш., Вацлав Ластовский и др.) и социалистическое (Карусь Каганец, Алоиза Пашкевич и др.) течения¹³. «Девяностыятыкі» пронесли на себе всю тяжесть времен укрепления и оформления белорусского движения и «радикально» лицом повернулись к крестьянству¹⁴. Названные типы интеллигенции последовательно сменяли друг друга, а часто сосуществовали рядом. Под интеллигенцией З. Жилунович понимал прежде всего деятелей белорусского национально-культурного и освободительного движения.

Нередко белорусские публицисты подчеркивали противоречивое воздействие такой особенности развития Беларуси, как нахождение ее на разломе между Западом и Востоком, западной и восточной цивилизациями. Эту черту назвал основной в истории белорусского народа поэт и публицист начала XX в. Игнат Канчевский, опубликовавший под псевдонимом Игнат Абдиралович философско-историческое эссе «Адвечным шляхам». По его мнению, она стала определяющей в истории белорусской интеллигенции¹⁵. «Долгими веками белорусы стояли на раздорожье: один путь был направлен на Запад, другой на Восток; так наши дороги, начинаясь вместе, расходились в разные, противоположные стороны»¹⁶.

Рассмотрение социально-философских аспектов проблемы интеллигенции для Беларуси не приобрело той актуальности и остроты, как в России. Причин этого явления было несколько: с одной стороны, общественное движение здесь до начала XX в. не приобрело столь радикальной и политически поляризованной направленности, как в великорусских губерниях, и, кроме того, самостоятельность его была ограничена влиянием неразрешенных «польского» и «еврейского» вопросов; во-вторых, для интеллигенции Беларуси более характерна была национальная разобщенность и равнодушие к национальной тематике и чувствам, чем дифференциация по политическим позициям и склонность к разрешению острых социальных вопросов; в-третьих, вследствие правительственных ограничений в культурно-образовательной деятельности на территории белорусских губерний не сложился широкий слой профессиональной интеллигенции.

Общественно-политические события XIX — начала XX в., изменения в правительственной политике, попытки трансформировать социальную структуру белорусского общества к общероссийскому стандарту

определили этапы и особенности формирования местной интеллигенции. Одна из основных специфических черт, которая поставила под сомнение непрерывность развития интеллигенции Беларуси, — утрата физической и нередко духовной преемственности между разными поколениями этой группы. Причина-

ми этого явления стали восстания, активизация национально-освободительного движения и репрессии в отношении их участников. Последними очень часто становились представители творческой элиты, студенческая и ученическая молодежь. Чтобы избежать ареста, они вынуждены были эмигрировать в страны Западной Европы. Кроме того, неблагоприятные условия развития национальной культуры обусловили появление еще одной особенности развития интеллигенции Беларуси. Она стала донором развития культур соседних народов, что привело фактически к потере значительной части собственной элиты, обеднению местной интеллектуальной жизни. Бывший член студенческого общества филоматов, действовавшего среди студентов Виленского университета в 1817—1823 гг., участник национально-освободительного восстания 1830—1831 гг. Игнат Домейко (1802—1889) вынужден был эмигрировать во Францию, а затем по приглашению правительства выехал в Чили и внес значительный вклад в изучение геологии и минерологии этой страны. Правительство Чили провозгласило И. Домейко национальным героем страны¹⁷. Другой филоматовец, Осип Ковалевский (1800—1878), который был сослан за участие в студенческих тайных организациях в Казань, стал ректором местного университета и одним из основателей российского востоковедения¹⁸. Главный труд его жизни — первое издание трехтомного «Монгольско-русско-французского словаря». Первой в мире женщиной-профессором стала Софья Ковалевская (1850—1891), которая происходила из белорусского шляхетского рода. Она работала профессором математики в университете Стокгольма¹⁹. Уроженцы Беларуси Адам Мицкевич и Владислав Сырокомля стали классиками польской литературы. Один из основателей народнического движения в Беларуси Николай Судзиловский, вынужденный эмигрировать, стал позже президентом Гавайской республики²⁰. Предками классика русской и мировой литературы Федора Достоевского были шляхтичи Пинского уезда²¹. Известный российский географ Николай Пржевальский²² и классик французской литературы Гийом Аполлинер²³ также были связаны с белорусской землей. Приведенные выше примеры не единственные, которые подтверждают вклад выходцев из Беларуси в культуры соседних народов и мировую. Интеллигенция Беларуси характеризовалась многонациональностью своего состава, причем в сравнении с многими другими народами Европы титульная национальная интеллигенция составляла одну из групп и меньшинство среди местной интеллигенции.

Начало формирования интеллигенции Беларуси как отдельной социальной группы относится к рубежу XVIII—XIX вв., когда под влиянием идей Просвещения происходит постепенный переход к становлению культуры

нового типа — культуры формирующегося буржуазного общества. Это был противоречивый процесс. С одной стороны, первых интеллигентов в полном смысле этого слова мы встречаем уже в XVI в., в период широкого развития меценатства, расцвета городов и культурной жизни, но это были единицы, и они не составляли отдельную социальную группу с присущими ей чертами. С другой — становление интеллигенции Беларуси происходило под влиянием одной из доминантных специфических черт формирования культуры в этот период. В отличие от многих европейских государств, где создание единого социокультурного пространства происходило путем завоевания третьим сословием своего собственного места в культуре верхних слоев общества, в управлении государством, в Беларуси этот процесс реализовывался часто через сознательную уступку шляхтой части своих прав в пользу буржуазии и включение элементов традиционной субкультуры в культуру элиты²⁴. Вхождение Беларуси в состав Российской империи замедлило этот процесс. Наличие здесь жестких сословных перегородок закрывало доступ непривилегированным группам населения к образованию и иным достижениям профессиональной культуры. В Беларуси, в отличие от великорусских губерний, в первые десятилетия XIX в. формирование интеллигенции шло не путем рекрутирования представителей третьего сословия в его ряды, а посредством привлечения части шляхты к социально-профессиональной группе лиц преимущественно интеллектуального труда²⁵.

Беларусь вошла в состав Российской империи после разделов бывлой Речи Посполитой. Она имела собственную сформировавшуюся социальную структуру общества и многоязычную в силу сложившихся условий культуру. Первая треть XIX в. отличалась преобладанием польских общественно-культурных влияний в Беларуси. Политика императоров Павла I и Александра I по восстановлению местных традиций, иногда весьма поспешная, отсутствие целенаправленной политики на присоединенных от Речи Посполитой белорусских землях привели к более интенсивной колонизации сферы образования, общественной жизни и

даже судебно-административного аппарата, чем это было в XVIII в. Распространению польского влияния в значительной степени способствовала деятельность администрации Виленского учебного округа во главе с другим юношеских лет императора Александра I министром иностранных дел России Адамом Чарторыйским²⁶. Попытка императора Николая I в первые годы своего правления изменить ситуацию ощутимых результатов не дала. Интеллектуальная жизнь Беларуси кроме обозначенной тенденции характеризовалась непосредственной преемственностью, духовной связью с предыдущим периодом культурного развития конца XVIII в. — эпохой Просвещения, идеями физиократов и т. д.

Профессора Виленского университета, в то время научного и культурного центра белорусов, поляков, литовцев, Михаил Бобровский, Игнат Данилович положили начало собиранию и изучению памятников белорусской письменности XVI—XVII вв. Для них и близких к ним по мировоззрению виленских интеллигентов понятными и популярными были идеи «литвинского» патриотизма — восстановления Великого княжества Литовского и государственности белорусского языка. Они содействовали пробуждению интереса к истории, культуре белорусов студентов — членов обществ филоматов и филаретов, прежде всего Яна Чечета, Томаша Зана и др. Белорусская интеллигенция того времени формировалась преимущественно за счет выходцев из среды духовенства и обедневшей шляхты.

После подавления национально-освободительного восстания 1831 г. и закрытия Виленского университета проявила себя тенденция постепенного перемещения центров формирования интеллигенции за границы Беларуси. Ими стали прежде всего высшие учебные заведения и общественно-культурные объединения Санкт-Петербурга и Москвы, а также стран Западной Европы. Более отчетливую роль это обстоятельство стало играть после восстания 1863 г., и только активизация национально-культурной жизни в начале XX в., издание газеты «Наша ніва», объединившей вокруг себя около двух тысяч представителей национальной интеллигенции в качестве редакционных работников и нештатных корреспондентов, существенно снизили его значение.

Творчество и взгляды представителей интеллигенции в первой половине XIX в. не всегда имели отчетливое национальное содержание. Прежде всего, это замечание относится к тем кружкам, деятельность которых заложила основу белорусского национально-культурного движения — Адама Киркора в Вильно, Винцента Дунина-Марцинкевича в Минске, Артема Вериги-Даревского в Витебске. Белорусская интеллигенция, которая группировалась вокруг них, по общественно-политическим взглядам придерживалась преимущественно либеральных позиций.

Девятнадцатый век вошел в историю как период этнической эмансипации народов, роста национальных движений. Белорусы вступили на этот путь в начале века, опередив эстонцев и латышей²⁷, но на следующих этапах из-за неблагоприятных политических условий они отстали. Этнос прошел сложный путь становления нации современного типа, формирования собственной государственности. Белорусов в XIX — начале XX в. можно было в полной мере отнести к числу молодых наций, которые имели неполноценную социальную структуру, в которой обычно отсутствовали собственные элиты, а нередко средние городские слои. Молодые нации в прошлом

или никогда не формировали собственные политические структуры, или их традиции средневековой государственности были разрушены в начале Нового времени. Молодые нации были «мужицкими» народами, нередко не имели разработанного литературного языка и высокой культуры.

Белорусы вследствие доминирования полонизаторских тенденций в культурно-политических процессах Речи Посполитой утратили большую часть своей элиты. Многократные военные разрушения на протяжении XVII—XVIII вв. привели к разорению городов и осложнили появление собственного третьего сословия. Запрещение белорусского языка, некогда государственного в Великом княжестве Литовском, для использования в делопроизводстве Речи Посполитой низвели до ранга языка социальных низов. Постепенно отмирают его старые литературные формы, для появления нового белорусского литературного языка условия были неблагоприятными.

Противоречивость пути этнического становления белорусов усложнила определение молодой национальной интеллигенцией своего места, исторических очертаний национальной идеи и в целом самоопределение белорусской нации. Политический идеал лидеров белорусского национального движения формировался под влиянием традиций государственности Великого княжества Литовского и корректировался под влиянием стремительно развертывавшихся этнополитических процессов начала XX в. 10 декабря 1831 г. в Париже было создано Общество литовское и русских земель, в состав которого входили Адам Мицкевич и Игнат Домейко. Целью товарищества было изучение прошлого и экономики Беларуси, Литвы и Волыни, демонстрация мировому сообществу, что население былого Великого княжества Литовского остается «одним из народов Европы...»²⁸.

Среди демократической интеллигенции начала 60-х гг. XIX в. сформировалась относительно небольшая группа, для которой абсолютно понятным было, что Беларусь имеет все условия для самостоятельного развития. Лидером этой группы был один из руководителей восстания 1863 г. на территории Беларуси и Литвы Константин Калиновский, который косвенно высказал идею о самостоятельности Белорусско-Литовской республики. Эта цель была достаточно популярной среди национальной интеллигенции вплоть до 1918 г., когда парламент Литвы провозгласил создание собственного государства. Первые попытки национальной агитации были весьма призрачными и кратковременными. Поколению Калиновского и его соратников не удалось реализовать свои идеалы, и более того, оно не имело своих непосредственных последователей. Кроме того, идеи Калиновского не нашли значительной поддержки как среди шляхты, так и крестьянства. Калиновский достаточно отчетливо подчеркивал понятие классовости. Он пытался де-

лать опору на крестьянство, что затем нашло продолжение в деятельности редакции белорусского еженедельника «Наша ніва».

Время от восстания 1863 г. до революционных событий 1905—1907 гг. стало новым этапом формирования интеллигенции Беларуси. Разгром восстания, кардинальные изменения в правительственной политике, буржуазные реформы 60—70-х гг. затронули общественно-политическую и экономическую жизнь, интеллектуально-духовную сферу и повседневность. Дальнейшее развитие белорусской интеллигенции было связано с противоречивым, иногда взаимоисключающим воздействием двух факторов: модернизации и унификации. Модернизация сопутствовала становлению современной белорусской нации, распространению этнического самосознания; унификация — это российская репрессивная политика, впервые сформированная система мероприятий по русификации западных окраин империи, оформленная после подавления восстания 1863 г., которая значительно затруднила национальную культурно-просветительскую деятельность, создание политических сил и организаций.

Политика системной русификации через церковь, все уровни образования и государственный аппарат, потеря многих творческих личностей (жертвы восстания, ссыльные, эмигранты) на несколько десятилетий вперед определили ситуацию в развитии науки и культуры Беларуси. Ситуация усугублялась и тем, что многие участники восстания, уроженцы белорусских губерний, не могли после отбытия наказания вернуться на родину, часто поселялись в Царстве Польском, включались в интеллектуальную жизнь других регионов Российской империи или западноевропейских стран. Отсутствие высших учебных заведений, государственных музеев, официальных научных организаций тормозили становление интеллектуальной сферы. Легализация любой частной и общественной инициативы вызывала подозрительность властей. Наука, культурно-просветительская деятельность все более становятся скорее призванием, чем профессией.

Интеллектуальная жизнь в Беларуси после 1863 г. (в отличие от периода после восстания 1830—1831 гг.) попадает под преобладающее влияние русской культуры. Кроме правительственных мероприятий этому содействовали изменения в польском национально-культурном движении, в среде которого распространились позитивистские идеалы работы над экономическим ростом и цивилизованным развитием Польши, гарантией которого должна была стать легальная работа. Борьба за национальное возрождение откладывалась на отдаленную перспективу.

Значительная часть творческой элиты Беларуси попала под влияние идей «западно-русизма». Эта идеология сформировалась в середине XIX в. под

влиянием политики русификации. Она стала также формой этнического самосознания части, в первую очередь городского, населения. Странники «западно-русизма» отрицали самостоятельность белорусского этноса. В самом начале своего формирования как идеологического течения он имел отчасти либерально-демократическую направленность. Это было во многом связано с позитивной ролью его сторонников в пробуждении этнического самосознания белорусов. Именно они, вопреки официальному мнению правительственных кругов того времени, утверждали, что белорусы не являются частью польской нации, и необходима широкая разъяснительная работа по их национальной самоорганизации, но при этом отказывалось белорусам в праве на самостоятельность шире локально-диалектной. Вступив в спор с идеологами польского национального движения за принадлежность Беларуси, сторонники «западно-русизма» объективно содействовали постановке и разрешению самими белорусами вопроса о своем собственном месте в славянском мире. Один из основателей «западно-русизма» профессор истории Михаил Коялович подчеркивал значимость в распространении идеологии народной интеллигенции, отмечал большую роль православного духовенства — «самого надежного источника народной интеллигентной силы»²⁹. В целом представители либерального течения «западно-русизма» внесли значительный вклад в изучение истории и культуры Беларуси, традиций ее экономической жизни; вносили предложения по реорганизации сельского хозяйства, промышленности, системы налогообложения. Нередко они сознательно стремились своей деятельностью улучшить материальное благосостояние населения. Среди них

встречаются имена ряда известных ученых: Николая Никифоровского, Ивана Носовича, Алексея Сапунова и др.

В то же время во второй половине XIX в. — этот противоречивый период — открылись новые возможности раскрепощения человеческой личности. Приобрела свои очертания идея белорусской нации, изменился характер этнического самосознания. Фундаментом идеологии белорусского национально-освободительного движения стала публицистика одного из классиков белорусской литературы — Франтишка Богушевича. В предисловии к сборнику «Дудка беларуская», иных произведениях им дано историко-философское и художественное осмысление судьбы белорусского народа, подчеркнута преемственность богатых государственно-политических традиций Великого княжества Литовского с современными задачами социального и политического возрождения народа.

Распространение и популяризация белорусского по своему сегодняшнему содержанию сознания связано с деятельностью местной народнической,

а затем социалистической молодежи. Она не принимала прежнюю «литвинскую», «краевую» идеологию, связанную со шляхтой и прежними традициями политической жизни, а более ориентировалась на социальные низы, на крестьянство. Типичный пример в данном случае — деятельность в Петербурге белорусской социально-революционной народнической группы «Гомон» и ее одноименный нелегальный журнал (1884 г.). Обостряется борьба между различными национальными группами интеллигенции за влияние над формированием гражданского сознания широких слоев населения.

Представители белорусской интеллигенции, начиная с Константина Калиновского и Адама Киркора, подвергались преследованиям как со стороны представителей польского общественного движения, так и русского. Первые обвиняли их в предательстве польских национальных интересов, другие видели в их лице замаскированных врагов России, которые служат польским экстремистам. Подобные претензии были достаточно показательными, в каких условиях происходило рождение белорусской национально-культурной элиты.

В 1868 г. в Петербурге возникло просветительское общество «Крывіцкі вязок», члены которого планировали организовать издание литературы на белорусском языке, изучали историю Беларуси, ее культуру. Создателем этой организации был поэт Войцислав Савич-Заблоцкий.

В начале 90-х гг. XIX в. в Москве и Петербурге действовали организации белорусского студенчества под руководством Адама Гуриновича, Марьяна Абрамовича и др. Большое значение имела общественная и литературная деятельность Каруся Каганца, Ольгерда Абуховича и др., работа Бронислава Эпимаха-Шипилы по развитию краеведения и сбору древностей и т. д. Были созданы Кружок молодежи польско-литовской, белорусской и малорусской, Круг белорусского народного просвещения и культуры, сделаны попытки выпуска нелегальной газеты «Свобода», создания Революционной партии Белой Руси. В 1902—1903 гг. на основе кружков Вацлава Ивановского, братьев Антона и Ивана Луцкевичей происходит политическая самоорганизация белорусского национально-освободительного движения. Была создана Белорусская революционная громада, которая несколько позднее стала называться Белорусской социалистической громадой. Эта первая белорусская национальная политическая партия была одной из немногих в пределах Российской империи, которая не ставила задач провозглашения государственной независимости, а ограничивалась первоначально достижением национальной автономии в пределах Российской демократической федеративной республики. Только после создания определенных условий, в первую очередь оформления национального самосознания

большинства населения Беларуси, считали возможным создание независимого государства.

Глубокие качественные изменения в формировании интеллигенции произошли во время и после революционных событий 1905—1907 гг. Манифест 17 октября предоставил гражданам Российской империи свободы печати, совести, политических организаций, расширил возможности национально-культурной деятельности и агитации. Процессы этнического самосознания широко затронули различные слои населения, прошли через отдельные семьи, разделив их на разные национальности, в том числе нередко представителей интеллектуальной элиты. В ее среде также обостряются поиски собственной идентификации, отчетливо очерченными становятся различные этнические группы интеллигенции. Известным примером здесь может служить судьба братьев Ивановских. Один из них — Вацлав — стоял у истоков основания Белорусской социалистической громады, создания первого белорусского издательского товарищества «Загляне сонца і ў наша ваконца» в Петербурге. Другой, Тадеуш, причислил себя к литовцам и внес вклад в развитие их культуры, стал академиком и директором Института биологии АН Литвы. Третий — Юрий, — как и многие из белорусских католиков, считал себя представителем польской нации, стал государственным деятелем Польши, министром³⁰. В воспоминаниях некоторых деятелей национально-культурного движения встречаются любопытные свидетельства соревнования между белорусами и

литовцами за привлечение на свою сторону представителей древних аристократических родов. Белорусской национальной интеллигенции приходилось выдерживать жесткое противодействие в проведении культурно-просветительской деятельности со стороны польского политического сообщества и российской монархической и черносотенной прессы.

Центром притяжения белорусской интеллигенции стала редакция газеты «Наша ніва», издававшаяся в Вильно в 1906—1915 гг. «Наша ніва» составила отдельную эпоху в национально-культурном движении. Именно в этот период происходит формирование белорусской национальной интеллигенции как социальной группы в современном представлении. До этого работали отдельные представители или небольшие группы образованных людей, культурно-просветительских деятелей, которых можно было отнести к национальной интеллигенции. В ее среде происходит унификация, постепенное стирание различий между православной и католической группами интеллигенции, которые были ощутимыми на протяжении XIX в. и поддерживались правительственной политикой³¹. Православная интеллигенция преимущественно ориентировалась на Россию, великорусские культурные

традиции. Для нее характерной была приверженность «западно-русизму» как идеологии и форме этнического самосознания. Для католической интеллигенции государственно-политическим идеалом была ориентация на былую Речь Посполитую или Великое княжество Литовское. «Нашай ніве» удалось объединить «пропольское» и «пророссийское» течения белорусского движения. Это произошло на основе социалистической идеологии, что ограничило социальную базу белорусского движения, делало его заведомо ослабленным. Издатели газеты отчетливо дистанцировались от местной дворянской, шляхетской интеллектуальной элиты, рассчитывали на формирование новой интеллигенции из числа выходцев из крестьян, что несколько видоизменило и усложнило процессы этнической консолидации среди белорусов. Разработанная на страницах «Нашай нівы» белорусская национальная идея позволила освоить интеллигенции категории современной нации, содействовала расширению ее социальной активности. Непосредственным результатом издания газеты стало то, что гораздо сложнее противникам было опровергать признание прав на самостоятельность белорусской нации, языка, литературы и культуры³².

«Наша ніва» выступила в качестве организационного и духовного центра многочисленных белорусских национальных культурно-просветительских обществ. С распространением легальных периодических изданий («Беларус», «Лучынка» и др.), профессиональных и музыкально-драматических кружков, издательских товариществ и т. д., появившихся после 1906 г., появились новые формы и направления интеллектуальной жизни. В 1908—1910 гг. были попытки создания частных белорусских школ. На съезде в Вильно 25 мая 1907 г. был основан Белорусский учительский союз, который ставил целью реорганизацию системы образования на демократической основе для подъема гражданского самосознания и культуры народа. С 1910 г. на страницах «Нашай нівы» начал печататься первый обобщающий труд по национальной истории — «Краткая история Беларуси» Вацлава Ластовского, где наиболее выразительно нашло отражение концептуальное видение интеллигенцией собственной истории и этнического самосознания. В 1909 г. были созданы «Гродненский кружок белорусской молодежи» и «Белорусский кружок среди студентов Юрьевского (Тарту) университета», в 1911 г. — Белорусский музыкально-драматический кружок. Возникают также Белорусский литературно-научный кружок студентов Петербургского университета, Кружок белорусов в Копыле, Кружок любителей «Нашай нівы» в Минской духовной семинарии, распространение получают любительские и профессиональные белорусские театральные постановки и многое другое. Все эти организации, культурно-просветительские мероприятия

были связаны между собой духовно и являлись свидетельством роста творческих и институциональных контактов представителей белорусской национальной интеллигенции.

Таким образом, в развитии белорусской национальной интеллигенции от начала XIX в. до Первой мировой войны отчетливо выделяются следующие основные этапы: 1) первая треть XIX в.; 2) период между восстаниями 1830—1831 гг. и 1863 г.; 3) 1863—1905 гг.; 4) 1906—1915 гг., до прекращения издания газеты «Наша ніва». На протяжении всего рассматриваемого периода сосуществовали два альтернативных пути самовыявления национально-культурного движения, белорусского этноса и интеллигенции: первый опирался на литвинско-шляхетские традиции, «краевый» литвинский патриотизм, восходящий от государственно-политическим идеалом Великого княжества Литовского и сохранявший преэминентность с историко-культурным наследием некогда могущественного средневекового государственного образования. Но к концу XIX в. лидирующим в силу различных причин, в том числе процессов модернизации и унификации белорусских губерний, оказался второй путь, основанный на возрождении и популяризации белорусской традиционной культуры, создании современной нации посредством этнокультурной эмансипации крестьянства. Он был поддержан революционно-демократическим и социалистическим крылом белорусского национального движения. Главный итог их культурно-просветительской деятельности

— формирование современного представления о белорусской нации, соответствующей ему национальной интеллигенции. Последняя, однако, не успела получить достаточный уровень социальной зрелости, несмотря на самопожертвование и создание собственной политической партии — Белорусской социалистической громады, для реализации в полной мере своих национально-политических идеалов. Это нашло отражение в период революционных событий 1917 г., когда наибольшее количество споров вызывали вопросы определения основ и перспектив строительства белорусской государственности. Разногласия по этой проблеме привели к неоднократным расколам и дифференциации в среде белорусских национально-политических кругов и распаду Белорусской социалистической громады. Состоявшийся в декабре 1917 г. I Всебелорусский съезд (конгресс) принял решение об автономии Беларуси в составе демократической России. Сторонники немедленного провозглашения независимости на съезде оказались в меньшинстве. Уже в этот период среди белорусских национальных деятелей сформировались два основных лагеря, которые символизировали пути становления государственности: с одной стороны те, кто ориентировался на Советскую власть и стал инициатором создания Белорус-

ской советской республики; с другой — организаторы провозглашения Белорусской Народной Республики.

- 1 *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Собрание сочинений. Т. VII: История русской интеллигенции. Ч. I. СПб., 1914. С. 5.
- 2 *Лейкина-Свирская В. Р.* Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. С. 5.
- 3 *Иванов-Разумник В.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.: В 2 т. 3-е изд., доп. СПб., 1911. Т. 1. С. 7.
- 4 Там же. С. 12.
- 5 *Франк.* К характеристике русской интеллигенции // Речь. 1906. № 224.
- 6 *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М.: Наука, 1990. С. 17.
- 7 Публицистика белорусских народников. Нелегальные издания белорусских народников (1881—1884) / Сост., подгот. текстов С. Х. Александровича и И. С. Александрович. Мн., 1983. С. 20.
- 8 Там же. С. 29.
- 9 Там же. С. 39.
- 10 Там же. С. 70.
- 11 *Багдановіч М.* Новая інтэлігенцыя // Збор твораў: У 2 т. Мн., 1968. Т. 2. С. 202.
- 12 *Каганец К.* Творы. Мн., 1979. С. 62—63.
- 13 *Жылуновіч З.* Беларуская інтэлігенцыя ў гістарычным аспекце // Польша. 1926. № 6. С. 78—79.
- 14 Там же.
- 15 *Абдзіраловіч І.* Адвечным шляхам. (Даследзіны беларускага сьветагляду) // Вобраз-90: Літаратурна-крытычныя артыкулы / Уклад. С. Дубавец. Мн.: Маст. літ., 1990. С. 45.
- 16 Там же. С. 48.
- 17 *Цвірка К.* Яго імя названы гарады і горы // Дамейка І. Мае падарожжы. Мн.: Беларус. кнігазбор, 2002. С. 5—18.
- 18 *Грыцкевіч В. П.* От Немана к берегам Тихого океана. Мн.: Польша, 1986. С. 149—167.
- 19 *Кавалеўская (Корвін-Крукоўская) Софія Васілеўна* // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мн.: Беларус. энцыкл., 1996. Т. 3. С. 517.
- 20 *Иосько М. И.* Николай Судзиловский-Руссель. (Жизнь, революционная деятельность и мировоззрение). Мн.: БГУ, 1976. С. 5—6.
- 21 *Адамовіч А. М., Баравік Р. І.* Дастаеўскі Фёдар Міхайлавіч // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Мн.: Беларус. энцыкл., 1998. Т. 6. С. 60.
- 22 *Пржавальскі І. Ф., Ярмоленка В. А.* Пржавальскі Мікалай Міхайлавіч // Беларус. энцыкл.: У 18 т. Мн.: Беларус. энцыкл., 2001. Т. 13. С. 36.
- 23 *Апалінэр Гіём* // Беларуская энцыклапедыя: У 18 т. Мн.: Беларус. энцыкл., 1996. Т. 1. С. 415.

- 24 *Куль-Сяльверстава С. Я.* Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. — 1820-я гады). Мн.: БДУ, 2000. С. 259.
- 25 Там же.
- 26 *Довнар-Запольский М. В.* История Белоруссии. Мн.: Беларусь, 2003. С. 293—297.
- 27 *Каппелер А.* Россия — многонациональная империя. М.: Традиция; Прогресс, 2000. С. 165.
- 28 *Цвірка К.* Ігнат Дамейка // Філаматы і філарэты: зб. Мн.: Беларус. кнігазбор, 1998. С. 281.
- 29 *Цьвікевіч А.* «Западно-русизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мн.: Навука і тэхніка, 1993. С. 222.
- 30 *Пазднякоў В.* Іваноўскія // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Мн.: Беларус. энцыкл., 1996. Т. 3. С. 467.

³¹ Падгайская Л. Роля паўстанняў 1794, 1830—1831 і 1863—1864 гг. у фарміраванні ўяўленняў пра беларуска-ліцьвінскую шляхту // Беларус. гіст. часоп. 2003. № 7. С. 3—10.

³² Унучак А. У. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906—1915 гг.): Аўтарэф дыс. канд. гіст. навук. Мн., 2005. С. 11—12.